

Андрей Добролюбский

«Я попал в какой-то другой мир...»*

«...Но лошадь, как известно, не овца» (из песни Александра Галича). «Скота у них такое огромное количество, какого, по нашему мнению, нет и в целом мире», – писал Плано Карпини. В этом нет ничего удивительного. Специалистами подсчитано, что существование одного рядового, «условного» кочевника (а на него требуется около 2500 ккал в день) из расчета его семьи в пять душ (на каждую душу требуется по столько же) возможно при наличии 13 голов крупного рогатого скота, 90 овец, 3 верблюдов, 14 лошадей. Одна «условная» овца при живом весе в 50 кг может прокормить пять человек в течение 3-4 дней, а при условии параллельного использования молочных продуктов – 6-7 дней. На одного человека требуется 20-40 условных овец в год. А одна овца съедает около 10 кг травы в сутки.

Подсчитано также, что с территории площадью в 1 га можно получить 1000-1400 кг травы. Одна «условная» лошадь в сутки на выпасе съедает около 50 кг травы – получается, что на 1 га в сутки может выпастись 20-28 лошадей. А овец, стало быть, в пять раз больше.

Поскольку в лесостепи более устойчивый и влажный климат, здесь куда больше корма для скота – фитомассы, чем к югу, в степях. И здесь на той же по размерам территории, что и в степях, может кормиться в пять раз больше скота. А чем больше фитомассы и чем меньше она подвержена сокращению за счет засухи – тем больше корма для скота. Здесь до осени сохраняется кормовая ценность, доступность и количество кормовых трав.

* Окончание. Начало в кн. 82.

В степях же в течение сезона меняется кормовая ценность, доступность и количество кормовых трав. Если привес скота, получаемый на пастбище в мае, принять за 100%, то в июне он составит 88%, в июле 78%, августе – 65, сентябре – 58, а в октябре – только 35%.

Значит, кочевать в лесостепях намного выгоднее, чем в степях. Здесь «нет перерыва в вегетации растений и жизнедеятельности животных, вызванного засухой, поэтому экосистема функционирует дольше, чем в сухих степях. За счет этого общая масса растительности достигает 3,2-4,2 т/га, а животных – 0,4 т/га, что в 5 раз больше, чем в других типах степей». Значит, здесь пастбища не являются ограничителями роста поголовья скота и, стало быть, роста населения.

Но это только летом, а не зимой. Потому что зимой сохранение поголовья скота зависит более всего от плотности снежного покрова.

В лесостепной зоне толщина снегового покрова зимой слишком часто и надолго превышает 30-35 см, а это делает невозможной тебеневку (от киргизск. *тебень* – зимнее пастбище) коней. Ведь скот, круглый год выпасаемый на подножном корме, зимой вынужден добывать траву, разгребая снег. Для этого необходимо достаточно большое количество лошадей, способных своими твердыми копытами разбивать снег и делать доступной для коров, коз и овец лежащую под снегом траву. Если лошадей нет или очень мало, все стадо гибнет – коровы, овцы и козы не в силах сами тебеневать и при еще меньших количествах снега.

При тебеневке строго соблюдается следующий порядок: впереди идет рогатый скот, который срывает более высокие травы, скусывая их верхушки; затем следуют лошади, срывающие травы ближе к корню, и, наконец, овцы, которые выбивают своими острыми копытами все пастбище. Зимняя тебеневка очень изнурительна – это почти всегда сплошное голодание, причем все время скот находится под открытым небом. Особенно много гибнет скота от буранов и/или гололедицы (джут), и любой богатый человек едва ли не в одночасье превращается в нищего.

Похоже, что эти обстоятельства стали причинами забот Плано Карпини перед его путешествием: «...если мы поведем в Татарию тех лошадей, которые у нас были, то они все могут умереть, так

как лежали глубокие снега, и они не умели добывать копытами траву под снегом, подобно лошадям татар, а найти им для еды что-нибудь другое нельзя, потому что у татар нет ни соломы, ни сена, ни корму».

Такие условия существования при невозможности зимних дальних откочевок на юг на 250-300 км (где снежный покров куда менее мощный) вынуждали черных клобуков к оседанию на землю. Потому что в лесостепи скот нельзя держать зимой только на подножном корме, необходимо время от времени подкармливать животных сеном, заранее заготовленным и хранящимся в специальных загонах. Поэтому перекочевки здесь были возможными лишь на относительно небольшие расстояния, часто лишь на несколько десятков километров, с длительными остановками. Это создавало условия для появления постоянных селений, развития земледелия и ремесел. По всей видимости, именно так и возникали их упомянутые «столицы» (Канев, Торческ и др.) – они одновременно становились и ставками наместников-ябу, которые перемещались в бассейне р. Рось и его окрестностях.

После монгольского завоевания причерноморских степей перемещение летней ставки наместника-ябу в Торговицу открывало, таким образом, возможности для регулярных перекочевок к морю, где снежный покров куда менее мощный, чем в лесостепи, а значит, тебеневка куда более эффективна и позволяет сохранить большую часть стада в зимнее время на подножном корме.

Археологические остатки такой зимней ставки, зимнего ябугородка, обнаруженные нами на одесском побережье, датируются тем самым временем, когда наместником являлся Хаджибей. А он, как «всякий начальник (capitaneus) знает, – писал де Рубрук, – смотря по тому, имеет ли он под своею властью большее или меньшее количество людей, границы своих пастбищ, а также где он должен пасти свои стада зимою, летом, весною и осенью».

Властный ранг Хаджибея. Матей Стрыйковский, величая Хаджибея «султаном» или «царьком», назвал его также и Кереем. Значит, он происходил из кереев – дружественного монголам (киятam) племени, которое в свое время помогло Темуджину (Чингисхану) победить их злейших врагов – меркитов. Сами

Чингизиды были родом из племени киятов и вполне могли испытывать «историческую благодарность» к кереитам, что в немалой степени определяло их статус – ближайших советников и старших военачальников. Тем более что при Узбек-хане правители улусов – Джучиды – были подвергнуты репрессиям и лишены своих улусов. На места улусбеков были назначены аристократы родоплеменной знати. Хаджибей был именно таковым. В сущности, это почти все, что мы о нем знаем.

Впрочем, то обстоятельство, что Хаджибей наряду с двумя другими эмирами, Кутлубугой и Дмитрием, назван «отчичем и дедичем Подольской земли», может означать, что его право владения улусом было наследственным на протяжении как минимум трех поколений.

Как бы то ни было, несомненно, что Хаджибей был одним из «всяких начальников», владельцем улуса в ранге эмира, по сути, «царьком» (выражение Матяя Стрыйковского). Он же являлся крупным тарханом (монг.: *свободный от податей*. – А. Д.) и как владелец безусловного держания был освобожден практически от всех налогов и повинностей в пользу хана. Материальные ресурсы таких персон в Золотой Орде были просто колоссальными. Его доход составлял 100-200 тысяч золотых динаров. Это позволяет содержать войско в пять тысяч хорошо вооруженных всадников. И даже более.

Владения, доставшиеся Хаджибею (междуречье Днепра и Днестра), после правлений темников Куремсы (Курумуши), Бурундая и беклярибека (главного бека) Ногая достались в конечном счете второму сыну хана Токты Ильбасару. Мы о нем ничего не знаем, разве что он, по мнению некоего шейха Эюирзами, был человеком, «красивее которого никто не видел... и предполагал, когда сделается царем (этой) страны, не оставить на царстве своем никакой другой религии, кроме мусульманской». Но ему не было дано это совершить – он скончался в 1310 г., ранее своего отца. Это все, что о нем известно. Кто управлял краем во времена хана Узбека (1312-1341 гг.) – толком не ясно. Преемник Узбека, хан Джанибек (1342-1357 гг.), отдал эти территории своему зятю (гургену. – А. Д.) Атламишу. Но в начале 1345 года Атламиш погиб в битве с венграми.

За неимением иных сведений остается полагать, что Хаджибей наряду со своими «братьями» Кутлубугой и Дмитрием является преемником и, возможно, сыном или каким-то иным младшим родственником Атламиша. Они и поделили между собой территорию между Крымом и Дунаем, и как наследники стали «отчичами и дедичами» этих земель. Стало быть, Хаджибей мог быть достаточно близким родственником самого хана Джанибека – сыном его зятя. Значит, ему по рангу полагалась соответствующая ставка.

Во времена Джанибека, когда Хаджибей стал править своим улусом, Золотая Орда была разделена на четыре крупных улуса во главе с улусбеками – старшими эмирами. Между тем «в имущественных делах народа, – по мнению ал-Омари, – эмирам большей частью они (дела) знакомы лишь настолько, насколько их знают наместники их». Такими наместниками были другие эмиры, темники – «начальники десяти тысяч, всего 70 эмиров». Каждый темник имел свое ленное владение и являлся его наместником – вся территория Золотой Орды в XIV в. разделялась по числу темников на 70 «областей».

Сановитость Хаджибея отражена в самом его имени, содержащем ранговое указание на титул «бей», на властный статус, а не на конкретную должность и место во властвующей иерархии. Это слово, в сущности, равнозначно титулу «эмир», который в Золотой Орде носили аристократы, не связанные узами кровного родства с Чингизидами. На латынь термины «бей» и «бег» переводились как «baron» или «princesps».

По мнению историков, улусбеку Хаджибею было подчинено три тумена по десять тысяч человек, всего 30 тысяч, которые сезонно кочевали вдоль Буга и Днестра. Впрочем, реальные тумены зачастую оказывались куда менее численными. Но, видимо, в благоприятные времена все население улуса Хаджибея могло составлять около 150 тысяч человек. Все они в совокупности и образовывали его орду. Или тьму.

«...Я попал в какой-то другой мир». Впечатления и описания едва ли не всех путешественников в Орду XIII-XV вв. об устройстве и передвижении разных ставок ханов и крупных ордынских аристократов очень сходны и совпадают порой даже в деталях.

Благодаря этому не столь уж трудно себе представить орду или ставку улусбека Хаджибея в ее сезонном перемещении от Торговицы до черноморского побережья.

Для европейцев это было неведомое, диковинное и впечатляющее зрелище. Они этого не скрывали. «У меня не хватает соответствующих слов, которые я должен был бы написать вашему столь славному величеству (Людовику IX Святому. – А. Д.), – писал в 1253 г. Вильгельм де Рубрук. – ...Когда

я вступил в их среду, мне совершенно представилось, будто я попал в какой-то другой мир».

«Когда я увидел двор Бату, – продолжает он, – я оробел, потому что собственно дома его казались как бы каким-то большим городом, протянувшимся в длину и отовсюду окруженным народами на расстоянии трех или четырех лье» (1 лье = 4,44 км. – А. Д.).

Несколькими десятилетиями позднее, в 1330-х гг., берберский путешественник и странствующий купец Ибн-Баттута точно так же описал ханскую ставку как «большой город, двигавшийся со своими жителями, в котором мечети и рынки, и где печной дым поднимался в воздух – это потому что турки готовят блюда и во время путешествия. Телеги, которые тянут лошади, перевозят этих людей, и они, прибыв на место табора, снимают палатки с телег и устанавливают их на почве, так как они очень легкие. Их даже используют для мечетей и магазинов».

Ибн-Баттута

Орда-базар

«...Они знают, – уточняет де Рубрук, – с какого бока двора должны они размещаться, когда они снимают свои дома [с повозок]. Отсюда двор на их языке называется ордой, что значит середина, так как он всегда находится посередине их людей, за исключением того, что прямо к югу не помещается никто, так как с этой стороны отворяются ворота двора. Но справа и слева они располагаются, как хотят, насколько позволяет местность, лишь бы только не попасть прямо перед двором или напротив двора».

Естественно, что «некоторые ставки велики, а некоторые небольшие, сообразно достоинству и скудости людей...» – отмечал Плано Карпини. И вряд ли орда Хаджибея была столь же величественна, как орда самого хана. Но и она могла производить сильное впечатление. Пожалуй, ее уместно сравнить с ордой другого родственника Бату, некоего Скатая, которого посетил де Рубрук: «...утром мы встретили повозки Скатая, нагруженные домами, и мне казалось, что навстречу мне движется большой город. Я также изумился количеству стад быков и лошадей и отар овец. Я видел, однако, не многих людей, которые ими управляли. В силу этого я спросил, сколько человек имеет Скатай в своей власти, и мне было сказано, что не более 500, мимо половины которых мы проехали ранее при другой остановке».

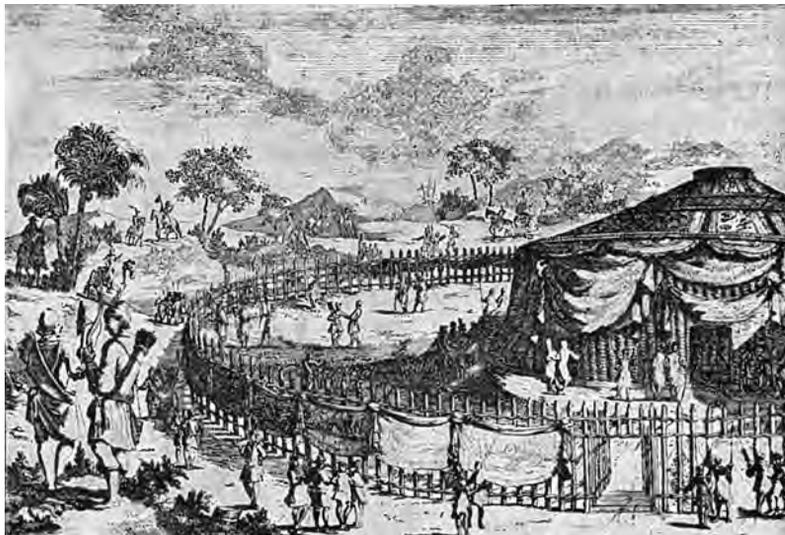
Сам же «дом, в котором они спят, – пишет де Рубрук, – они ставят на колесах из плетеных прутьев; бревнами его служат прутья, сходящиеся кверху в виде маленького колеса, из которого поднимается ввысь шейка, наподобие печной трубы; ее они покрывают белым войлоком, чаще же пропитывают также войлок известкой, белой землей и порошком из костей, чтобы он сверкал ярче; а иногда также берут они черный войлок. Этот войлок около верхней шейки они украшают красивой и разнообразной живописью. Перед входом они также вешают войлок, разнообразный от пестроты тканей. Именно они сшивают цветной войлок или другой, составляя виноградные лозы и деревья, птиц и зверей. И они делают подобные жилища настолько большими, что те имеют иногда тридцать футов в ширину. Именно я вымерил однажды ширину между следами колес одной повозки в 20 футов, а когда дом был на повозке, он выдавался за колеса по крайней мере на пять футов с того и другого бока. Я насчитал у одной повоз-

ки 22 быка, тянущих дом, 11 в один ряд вдоль ширины повозки и еще 11 перед ними. Ось повозки была величиной с мачту корабля, и человек стоял на повозке при входе в дом, погоняя быков. Кроме того, они делают четырехугольные ящики из расколотых маленьких прутьев, величиной с большой сундук, а после того с одного краю до другого устраивают навес из подобных прутьев и на переднем краю делают небольшой вход; после этого покрывают этот ящик, или домик, черным войлоком, пропитанным салом или овечьим молоком, чтобы нельзя было проникнуть дождю, и такой ящик равным образом украшают они пестроткаными или пуховыми материями. В такие сундуки они кладут всю свою утварь и сокровища, а потом крепко привязывают их к высоким повозкам, которые тянут верблюды, чтобы можно было таким образом перевозить эти ящики и через реки. Такие сундуки никогда не снимаются с повозок. Когда они снимают свои дома для остановки, они всегда поворачивают ворота к югу и последовательно размещают повозки с сундуками с той и другой стороны вблизи дома, на расстоянии половины полета камня, так что дом стоит между двумя рядами повозок, как бы между двумя стенами. Женщины устраивают себе очень красивые повозки, которые я не могу вам описать иначе, как живописью; мало того, я все нарисовал бы вам, если бы умел рисовать. Один богатый моал (монгол. – А. Д.), или татарин, имеет таких повозок с сундуками непременно 100 или 200; у Бату 26 жен, у каждой из которых имеется по большому дому, не считая других, маленьких, которые они ставят сзади большого; они служат как бы комнатами, в которых живут девушки, и к каждому из этих домов примыкают по 200 повозок. И когда они останавливаются где-нибудь, то первая жена ставит свой двор на западной стороне, а затем размещаются другие по порядку, так что последняя жена будет на восточной стороне, и расстояние между двором одной госпожи и другой будет равняться полету камня. Таким образом, один двор богатого моала будет иметь вид как бы большого города, только в нем будет очень немного мужчин. Самая слабая из женщин (*muliercula*) может править 20 или 30 повозками, ибо земля их очень ровна. Они привязывают повозки с быками или верблюдами одну за другой, и бабенка будет сидеть на передней, понукая быка, а все другие

повозки следуют за ней ровным шагом. Если им случится дойти до какого-нибудь плохого перехода, то они развязывают повозки и перевозят их по одной. Ибо они едут так медленно, как ходит ягненок или бык».

«Некоторые из таких домов, – уточняет Плато Карпини, – быстро разбираются и чинятся и переносятся на вьючных животных, другие не могут разбираться, но перевозятся на повозках. Для меньших при перевезении на повозке достаточно одного быка, для больших – три, четыре или даже больше, сообразно с величиной повозки, и, куда бы они ни шли, на войну ли, или в другое место, они всегда перевозят их с собой... Вьючного скота у них такое огромное количество, какого, по нашему мнению, нет и в целом мире».

Если родственник хана Скатай имел «двор» числом «около двухсот повозок», то и улусбеку Хаджибею по рангу полагалось никак не менее. Видимо, так оно и было. Вильгельму де Рубруку, посетившему также ставку сына Батыея Сартака, его «двор... по-

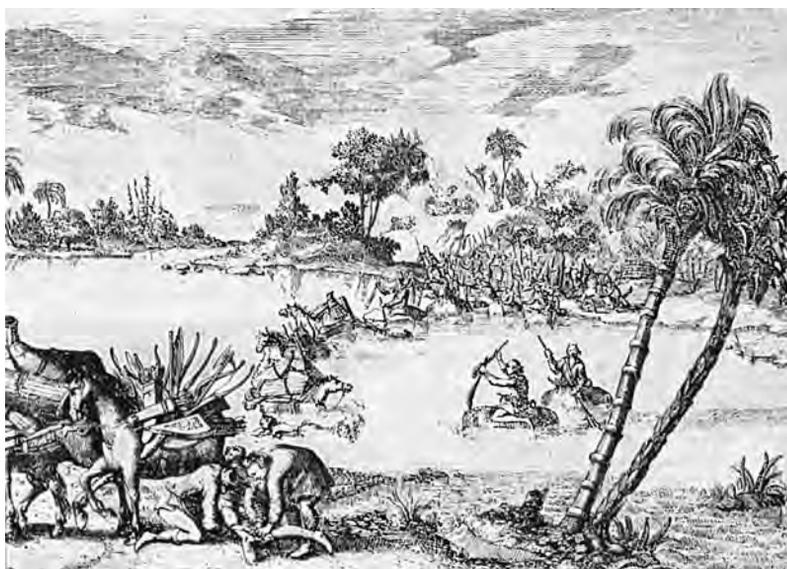

Ставка хана или наместника

казался очень большим, так как у него самого шесть жен, да его первородный сын имеет возле него их две или три, и у всякой есть большой дом...».

«Мы... к вечеру просто устали смотреть». Когда подобная ставка (а вслед за ней и вся тьма) некоего монгольского аристократа – эмира или темника – подкочевала к итальянской фактории Пидея, расположенной на побережье Черного моря между Днепром и Крымом, то некий испанский наблюдатель первой половины XIV в. принял ее за большой город, который назвал «столицей королевства», впрочем, вассального от хана Узбека. Несомненно, что сходное впечатление должна была производить тьма Хаджибея во время своих прикочевок к Джинестре и Флорделису на нынешнем одесской побережье.

Подобное же зрелище описал в своем «Путешествии в Тану» «гражданин Венеции» Иосафат Барбаро: «...сторожевые отряды... подходили... раньше, чем пришло все войско, двигались впереди

Способы переправы у татар

него по восьми разным направлениям, чтобы со всех сторон разузнавать о возможной опасности, находясь в отдалении от него на много дней пути и действуя соответственно его нуждам». Вслед за ними, пишет он, «начал подходить народ со стадами. Сначала шли табуны лошадей по шестьдесят, сто, двести и более голов в табуне; потом появились верблюды и волы, а позади них стада мелкого скота. Это длилось в течение шести дней, когда в продолжение целого дня – насколько мог видеть глаз – со всех сторон степь была полна людьми и животными: одни проходили мимо, другие прибывали. И это были только головные отряды; отсюда легко представить себе, насколько значительна была численность [людей и животных] в середине [войска]... и к вечеру просто уставали смотреть». Поперечник равнины, занятой масса-ми этих людей и скота, равнялся 120 милям.

«Лишь только правитель остановился, они сразу же раскидывают базары, оставляя широкие дороги. Если это происходит

Типы татар

зимой, то от множества ног животных образуется величайшая грязь; если же летом, то величайшая пыль. Тут же немедленно после того как поставлены базары, они устраивают свои очаги, жарят и варят мясо и готовят свои кушанья из молока, масла, сыра. У них всегда бывает дичь. ...В их войске есть ремесленники – ткачи, кузнецы, оружейники и другие, и вообще есть все необходимые ремесла... при нем всегда находятся купцы; одни различными путями привозят сюда товары, другие же лишь проходят через орду с намерением идти в иные страны».

Сказанное означает, что орда, или ставка правителя, всегда становилась местом базара, поскольку войско было основным платежеспособным потребителем. А также – продавцом захваченных у соседей ценностей, зерна, ремесленных изделий и рабов. Поэтому такой военно-походный лагерь получил название орду-базар, то есть военный, походный базар (ordu + bazar).

Кажется очевидным, что в районе Джинестры и Флорделиса кочевников Хаджибейской тьмы, или здешнего орду-базара, помимо прочих нужд, интересовали залежи соли в причерноморских лиманах. «...Лишь бы была у них соль, – пишет Иосафат Барбаро. – Если они не имеют соли, то рот их покрывается нарывами и гноится; от этого заболевания некоторые даже умирают; случается у них и понос». И общаться с ними из-за этого, замечает де Рубрук, «было тягостно выше меры», потому что «если у них появлялось желание опорожнить желудок, они не удалялись от нас и настолько, насколько можно бросить зерно боба; мало того, они производили свои нечистоты рядом с нами во взаимной беседе, делали они и много другого...».

Именно в таком виде Хаджибеева тьма каждую осень медленно, «как ходит ягненок или бык» (выражение де Рубрука), ежегодно буднично и монотонно прикочевывала на зимовку к Джинестре. И точно так же каждой весной отправлялась на север, в район Торговицы. Судя по ее археологическому облику, такая перекочевка была достаточно регулярной на протяжении всего наместничества Хаджибея до битвы при Синих Водах осенью 1362 г. Значит, это была серия благоприятных лет для его улуса, которые повторялись с неизменной регулярностью. Годы первой чумной пандемии, 1346-49, по известным нам материалам никак

не прослеживаются. Напротив, создается впечатление, что Торговица если не благоденствовала, то вполне нормально функционировала как летнее стойбище, равно как и зимнее стойбище у Джинестры. Значит, в эти и в последующие, 1350-е гг., облик и уклад ябу-городка вполне соответствовали приведенным описаниям ставки наместника и его тьмы.

Во всяком случае, по мнению Иосафата Барбаро, «за исключением того, что их станы не окружены стенами, – они представляются [нам] огромнейшими и красивейшими городами». Наверное, так оно и было – ведь даже руины Торговицы произвели на Михалона Литвина спустя почти два столетия после ее гибели сильнейшее впечатление. А в зимнее время кочевья Хаджибеевой тьмы были рассеяны по всему черноморскому побережью между Днепром и Днестром, сохранив после себя для нас лишь скромные археологические следы «какого-то другого мира» (выражение де Рубрука).

А с конца 1350-х гг. наступили очередные смутные времена. От них до наших дней сохранилась красно-желто-ленточная керамика бедности и нищеты. Но это уже другая история.

